

NG Ex Libris (прил. к Независимой). 2004. 17 июня. С. 3

КАФЕДРА

Заблудившийся писатель

Сегодня исполняется 10 лет со дня смерти Юрия Марковича Нагибина

Юрий Кувалдин

Киношники у гроба

Десять лет прошло с тех пор, как Юрий Нагибин покинул свет, 17 июня 1994 года в 12 часов дня на своей даче в Пахре. Выпала мне карта быть первым читателем и издателем «Дневника» Юрия Марковича Нагибина.

Скажу, что о публикации дневника Нагибин не помышлял, пока я к нему не нагрянул. А рассказал мне о том, что у Нагибина колоссальный дневник, глава Союза писателей Москвы Владимир Савельев. «У него вот такой дневник!» — сказал он мне, поднимая на полметра руку над столом.

Я как сейчас вижу кабинет Нагибина на втором этаже, в мансарде, с огромным письменным столом, с книжными стеллажами, с диваном, на который прилегал Юрий Маркович около 12 дня отдохнуть и не проснулся. Смерть легкая, плавная, литературная, если, разумеется, можно так сказать. А гроб с телом Нагибина выставили для прощания в Доме кино на Васильевской. Я примчался туда с дачи на машине из Загорска, узнав о кончине по телевизору.

Три дня назад я был у него, разговаривал, сверяли тексты... Нагибин предполагал, что ляжет на Востряковском кладбище, возле матери, но лег на Новодевичьем.

Много было прощающих, в основном киношников, но ни одного известного писателя. Страстно выступал «председатель» Михаил Ульянов. И мертвый Нагибин как бы переместился в сторону кинематографа. Приобрел славу как автор удачных сценариев — «Председатель», «Дерсу Узала»...

Обсуждая «Дневник»

«Дневник» еще не ушел в производство, и никто не знал о нем. Пухлые папки «Дневника» Юрия Нагибина лежали у меня дома на письменном столе, и я каждый день приводил рукопись в порядок.

Свою душу доверил мне Нагибин, и я знал, какого писателя хороним. Нагибин и сам приобрел издательские навыки, когда занимался изданием за свой счет своего собрания сочинений. Все сбережения угрожал на это собрание, но так его и не завершил. Намеивался издать 12 томов по 10 тысяч экземпляров.

Конечно, полагал Нагибин, издавать дневник при жизни не принято, но он опубликует!

Обсуждая «Дневник». Юрий Кувалдин и Юрий Нагибин.

такой термин изобрету, чтобы он хоть как-то выражал суть. Это тот довольно-таки широкий советский круг, который не то что безбедно существовал при тоталитаризме, но прямо, надо сказать, барствова, одновременно понося эту власть, так сказать, руку кормящую.

Второе, вытекающее из первого, что тоже бросалось в глаза, — умение жить, несмотря на всхлипы обид и упреков по отношению к тем же властям за несправедливое отношение к нему.

Каждый переживает по-своему

Конечно, каждый человек отчаивается по-своему: один оттого, что в девятиметровой комнате вятером живет, в коммуналке, а другой, в дан-

ствова за счет прикрытой коммунистической пропагандой нещадной эксплуатации трудящихся. Вот так скажу прямо, с иронией, по-большевистски. И третье, главное, — всю жизнь Нагибин писал на вынос, то есть для заработка.

Конечно, он тут не был оригинальным. Так жила вся советская писательская братия. Ну, для точности, не вся, а 99 процентов из всех членов писательского союза.

И рукопись нельзя загать!

Считали, видимо, что их пушкинское: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», — оправдывает. Не оправдывало, поскольку писалось без вдохновения. А теперь я перефразировал пушкинскую сентенцию так: «Не

свобода слова, то есть то, о чем и мечтать не приходилось, дневник для Нагибина был спасительной отдушиной. При колоссальной энергетике, огромной работоспособности (если попробовать собрать воедино все им написанное, то, видимо, получится томов 30) он не мог не изливать свою душу: в дневник ложилось все, что не могло быть включено в повести и рассказы.

Хотя кое-что удавалось напечатать, например, повесть «Встань и иди», на мой взгляд, лучшее художественное произведение Нагибина. А вообще же судьба Нагибина сложилась так, что ему постоянно приходилось балансировать на грани диссидентства и правоверности.

Жуткое, раздирающее душу состояние. Хотелось говорить

нитым, хотя это и «некрасиво». Путь Андрея Платонова, с которым Нагибин был хорошо знаком, не привлекал (в житейском смысле), путь какого-нибудь бездарного номенклатурного литературного генерала — отталкивал (он хотел, чтобы в генералах были таланты! Но такого при правлении ЦК КПСС быть не могло по определению!).

Трудный человек

Да и в бытовом смысле Нагибин был «трудный» человек. Я бы назвал Нагибина заблудившимся человеком: он, как в дремучем лесу, заблудился в своем родстве, в своих женах, в своих пристрастиях, в своих взлетах и падениях, в своих друзьях и знакомых, даже в своих бесчисленных собаках! Никогда не мог до конца жизни разобраться в своих отцах.

Это какой-то необъяснимый феномен! К концу жизни картина с отцами сложилась такая: настоящим его отцом был Кирилл Александрович Нагибин, погибший в 1920 году, в год рождения Юрия. Стало быть, отчество у Нагибина должно быть «Кириллович»? Но нет. Он вдруг оказывается «Марковичем!» Тут, конечно, мать, Ксения Алексеевна, сыграла первую скрипку: мол, зачем ребенку, несмышленичку, знать про

торого с «Председателем» являлась уже из названия — «Директор». В заявке автор без обиняков сообщал, что в последние годы войны волею судьбы он вошел в семью одного из столпов отечественного автомобилестроения Лихачева, женившись на его дочери. Яркая биография этого человека — революционного матроса, чекиста, выдвигенца, ставшего красным директором крупнейшего предприя-

тивно сторонился всего, что напоминало о трагедии, и предпочел снять новую версию картины с Николаем Губенко в заглавной роли. Эта версия и пошла в прокат, хотя и не снискала успеха, подобного успеху «Председателя». Что же касается отснятого материала, то он частично, включая уникальные кадры катастрофы в пустыне Каракумы, вошел в мемориальный фильм «Евгений Урбанский».

нагибинского письма, о котором я еще скажу, где говорится о «русском Генри Миллере». Его «Тропик Рака» в России прочли взахлеб с полувековым опозданием даже профессиональные писатели. И он уже не мог повлиять на русских писателей старших поколений столь же магически и соблазнительно, как на писателей Америки 30-х годов. Кроме того, «Тропик Рака», как и «Праздник, который всегда с тобой»

На склоне лет Нагибин решил досказать ранее недосказанное, может быть, даже табуированное в сознании писателя

тия, в конце концов получившего его имя, — была сюжетной канвой сценария.

Режиссер вспоминал, что члены сценарной коллегии не то чтобы с радостью, но с ликованием приняли эту заявку, а через некоторое время — го- товый литературный сценарий. Фильм «Директор» ставил тот же Алексей Салтыков.

В заглавной роли снимался Евгений Урбанский — молодой, неотразимо красивый, мужественный актер, находившийся в ту пору в расцвете таланта и популярности. Увы, он погиб именно на съемках этого фильма.

В пустыне Каракумы, в эпизоде, где автомобиль, участвующий в международном пробеге, совершает прыжок с песчаного бархана, — машина перевернулась, сидевший за рулем каскадер отделался ушиба-

Оба фильма и поныне время от времени показывают на телеэкране. Обратите внимание на колоритный и трогательный образ невесты героя (в фильме он — Звоничкин, в повести «Моя золотая теща» — Звягинцев) — светловолосой русской красавицы, которую сыграла Светлана Жгун, а до нее, в злосчастной первой версии, другая актриса, имя которой запомнил даже автор сценария, — потрясенная гибелью Урбанского, она больше не снималась в кино.

Русский Генри Миллер

Этот женский образ — предтеча Татьяны Алексеевны Звягинцевой, пленительной, загадочной и грешной героини повести «Моя золотая теща». На склоне лет Нагибин решил досказать ранее недосказанное, может быть, даже табуирован-

Хемингуэя, — это в первую очередь апология Парижа, а уж во вторую или даже в третью очередь — апология любви.

Повесть же Юрия Нагибина «Моя золотая теща» — это прежде всего гимн всецелой любви. Ее литературные истоки — в мифах античности о запретных и фатальных страстях, в традициях древнегреческого любовного романа (не случайно уже в следующей своей вещи Нагибин обозначит эту преемственность заглавием: «Дафнис и Хлоя эпохи...»), в упоении любви персонажей «Манон Леско». Позднее критика укажет еще на родство «Моей золотой тещи» с набоковской «Лолитой» («контр-Лолита») — сформулирует это Анна Малышева в «Независимой газете». Но все это будет сказано уже после ухода автора...

Юрия Марковича Нагибина. Скажу, что о публикации дневника Нагибин не помышлял, пока я к нему не нагрянул. А рассказал мне о том, что у Нагибина колоссальный дневник, глава Союза писателей Москвы Владимир Савельев. «У него вот такой дневник!» – сказал он мне, поднимая на полметра руку над столом.

Я как сейчас вижу кабинет Нагибина на втором этаже, в мансарде, с огромным письменным столом, с книжными стеллажами, с диваном, на который прилет Юрий Маркович около 12 дня отдохнуть и не проснулся. Смерть легкая, плавная, литературная, если, разумеется, можно так сказать. А гроб с телом Нагибина выставили для прощания в Доме кино на Васильевской. Я примчался туда с дачи на машине из Загорска, узнав о кончине по телевизору.

Три дня назад я был у него, разговаривал, сверяли тексты... Нагибин предполагал, что ляжет на Востряковском кладбище, возле матери, но лег на Новодевичьем.

Много было прощающихся, в основном киношников, но ни одного известного писателя. Страстно выступал «председатель» Михаил Ульянов. И мертвый Нагибин как бы переместился в сторону кинематографа. Приобрел славу как автор удачных сценариев – «Председатель», «Дерсу Узала»...

Обсуждая «Дневник»

«Дневник» еще не ушел в производство, и никто не знал о нем. Пухлые папки «Дневника» Юрия Нагибина лежали у меня дома на письменном столе, и я каждый день приводил рукопись в порядок.

Свою душу доверил мне Нагибин, и я знал, какого писателя хороним. Нагибин и сам приобрел издательские навыки, когда занимался изданием за свой счет своего собрания сочинений. Все сбережения угрохал на это собрание, но так его и не завершил. Намеревался издать 12 томов по 10 тысяч экземпляров.

Конечно, полагал Нагибин, издавать дневник при жизни не принято, но он опубликует! Жизнь Нагибина – хороший пример разобраться в существе писательства. Прежде всего повторю, что я беседовал с Нагибиным за несколько дней до смерти.

Теоретически он очень верно излагал мысли о писательстве: нужно быть адекватным себе, то есть говорить правду, совершенствовать мастерство, учиться у классиков, не писать на потребу дня, то есть привычно, а писать исключительно для себя.

Нагибин, как помещик Троекуров, развалился напротив, наливал из графинчика холодную водку

Тем интереснее мне было беседовать с Нагибиным, чем далее я углублялся в чтение его дневников. Первое, что бросалось в глаза, – Нагибин был человеком не демократического круга. В нем напрочь отсутствовала простота, которую, однако, при каждой нашей новой встрече он хотел изобразить. Если не демократического круга, то какого?

Видимо, советско-номенклатурно-аристократического,

Обсуждая «Дневник». Юрий Кувалдин и Юрий Нагибин.

такой термин изобрету, чтобы он хоть как-то выражал суть. Это тот довольно-таки широкий советский круг, который не то что безбедно существовал при тоталитаризме, но прямо, надо сказать, барствова-вал, одновременно понося эту власть, так сказать, руку кормящую.

Второе, вытекающее из первого, что тоже бросалось в глаза, – умение жить, несмотря на всхлипы обид и упреков по отношению к тем же властям за несправедливое отношение к нему.

Каждый переживает по-своему

Конечно, каждый человек отчаивается по-своему: один оттого, что в девятиметровой комнате впятером живет, в коммуналке, а другой, в дан-

ствовала за счет прикрытой коммунистической пропагандой нещадной эксплуатации трудящихся. Вот так скажу прямо, с иронией, по-большевистски. И третье, главное, – всю жизнь Нагибин писал на вынужден, то есть для заработка.

Конечно, он тут не был оригинальным. Так жила вся советская писательская братия. Ну, для точности, не вся, а 99 процентов из всех членов писательского союза.

И рукопись нельзя загнать!

Считали, видимо, что их пушкинское: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», – оправдывает. Не оправдывало, поскольку писалось без вдохновения. А теперь я перефразировал пушкинскую сентенцию так: «Не

свобода слова, то есть то, о чем и мечтать не приходилось, дневник для Нагибина был спасительной отдушиной. При колоссальной энергетике, огромной работоспособности (если попробовать собрать воедино все им написанное, то, видимо, получится томов 30) он не мог не изливать свою душу: в дневник ложилось все, что не могло быть включено в повести и рассказы.

Хотя кое-что удавалось напечатать, например, повесть «Встань и иди», на мой взгляд, лучшее художественное произведение Нагибина. А вообще же судьба Нагибина сложилась так, что ему постоянно приходилось балансировать на грани диссидентства и правозащитности.

Жуткое, раздирающее душу состояние. Хотелось говорить

нито, хотя это и «некрасиво». Путь Андрея Платонова, с которым Нагибин был хорошо знаком, не привлекал (в житейском смысле), путь какого-нибудь бездарного номенклатурного литературного генерала – отталкивал (он хотел, чтобы в генералах были таланты! Но такого при правлении ЦК КПСС быть не могло по определению!).

Трудный человек

Да и в бытовом смысле Нагибин был «трудный» человек. Я бы назвал Нагибина заблудившимся человеком: он, как в дремучем лесу, заблудился в своем родстве, в своих женах, в своих пристрастиях, в своих взлетах и падениях, в своих друзьях и знакомых, даже в своих бесчисленных собаках! Никан не мог до конца жизни разобраться в своих отцах.

Это какой-то необъяснимый феномен! К концу жизни картина с отцами сложилась такая: настоящим его отцом был Кирилл Александрович Нагибин, погибший в 1920 году, в год рождения Юрия. Стало быть, отчество у Нагибина должно быть «Кириллович»? Но нет. Он вдруг оказывается «Марковичем!» Тут, конечно, мать, Ксения Алексеевна, сыграла первую скрипку: мол, зачем ребенку, несмышляйшу, знать про какого-то Кирилла Александровича, когда тут, перед его глазами, настоящий, живой папа – Марк Яковлевич Левенталь, Мара, как его в семье уменьшительно называли?!

Теперь-то я понимаю, что Нагибин был не с теми (генералами), и не с этими (настоящими художниками). Он как бы оказался в вакууме, со своим странным третьим, можно сказать, путем. Тогда Нагибин говорил, что в литературе друзей у него нет.

От «Председателя» до «Директора»

А теперь выясняется, что друзья у него есть. Например, Александр Рекемчук. Он мне рассказывал, что в середине 60-х годов он работал на «Мосфильме» главным редактором сценарной коллегии. Только что, после многих тревог и треволений, вышел на экраны фильм «Председатель», поставленный Алексеем Салтыковым по сценарию Юрия Нагибина.

Успех фильма был ошеломляющим. По накалу гражданской страсти и по искусству это было прорывом к высокой правде, недоступной дотолпе. И тогда же Нагибин предложил «Мосфильму» заявку на новый киносценарий, связь ко-

На склоне лет Нагибин решил досказать ранее недосказанное, может быть, даже табуированное в сознании писателя

тия, в конце концов получившего его имя, – была сюжетной канвой сценария.

Рекемчук вспоминал, что члены сценарной коллегии не то чтобы с радостью, но с ликованием приняли эту заявку, а через некоторое время – готовый литературный сценарий. Фильм «Директор» ставил тот же Алексей Салтыков.

В заглавной роли снимался Евгений Урбанский – молодой, неотразимо красивый, мужественный актер, находившийся в ту пору в расцвете таланта и популярности. Увы, он погиб именно на съемках этого фильма.

В пустыне Каракумы, в эпизоде, где автомобиль, участвующий в международном пробеге, совершает прыжок с песчаного бархана, – машина перевернулась, сидевший за рулем каскадер отделался ушиба-

Оба фильма и поныне время от времени показывают на телеэкране. Обратите внимание на колоритный и трогательный образ невесты героя (в фильме он – Зворыкин, в повести «Моя золотая теща» – Звягинцев) – светловолосой русской красавицы, которую сыграла Светлана Жгун, а до нее, в злосчастной первой версии, другая актриса, имя которой запамятовал даже автор сценария, – потрясенная гибелью Урбанского, она больше не снималась в кино.

Русский Генри Миллер

Этот женский образ – предтеча Татьяны Алексеевны Звягинцевой, пленительной, загадочной и грешной героини повести «Моя золотая теща». На склоне лет Нагибин решил досказать ранее недосказанное, может быть, даже табуирован-

Хемингуэя, – это в первую очередь апология Парижа, а уж во вторую или даже в третью очередь – апология любви.

Повесть же Юрия Нагибина «Моя золотая теща» – это прежде всего гимн всеисильной любви. Ее литературные истоки – в мифах античности о запретных и фатальных страстях, в традициях древнегреческого любовного романа (не случайно уже в следующей своей вещи Нагибин обозначит эту преемственность заглавием: «Дафнис и Хлоя эпохи...»), в упоении любви персонажей «Манон Леско». Позднее критика укажет еще на родство «Моей золотой тещи» с «Лолите» («контр-Лолита» – сформулирует это Анна Малышева в «Независимой газете»). Но все это будет сказано уже после ухода автора...

Трудный человек, но таким и должен быть хороший писатель.

Фото автора

ном случае Нагибин, оттого, что не взяли в туристическую поездку на очередную Олимпиаду или что «Оскара» дали Куросаве, а не ему как сценаристу фильма «Дерсу Узала».

Сейчас я просто смеюсь над этими «переживаниями» Нагибина. Потому что знаю цену сценариям, вернее, ни в грош их не ставлю. Ладно еще оригинальный сценарий придумать, самому от начала до конца, а то – готовую вещь Арсе-

продается вдохновенье, и рукопись нельзя загнать!»

Помню, меня поразил огромный длинный, прямо-таки боярский стол, роскошно сервированный. Нагибин, как помещик Троекуров, развалился напротив, наливал из графинчика холодную водку. А передо мной стояла тарелка со стопкой только что поджаренных блинов и розетки с красной и черной икрой. Тут же – сливочное масло, осетрина и сем-

правду, но страстно хотелось и печататься. Казалось, что советская власть будет существовать вечно, поэтому в табели о рангах ее литературного департамента хотелось и на себя примерить мундир с золотыми погонами, с обжигающим взгляд «иконостасом» орден на груди до пупа!

Но прежде всего, разумеется, нужно было зарабатывать пером деньги на жизнь. Тут я в растерянности развожу руками: почему бы не найти другую работу для заработка, ведь литература для меня – это святое, на ней нельзя зарабатывать (вообще я бы отменил писательскую профессию; разве профессия – петь, разве профессия – дышать, разве профессия – любить?!), найти работу для заработка (инженера, шофера, водолаза...), а вечерами писать для души?!

Но нет, не тот человек был Нагибин! Он хотел успевать везде: быть и литературной звездой, и истинным писателем, и звездой кинематографа, и знаменитым искусствоведем, и лова моя прошла. Я непроизвольно заметил, что не только розетка с красной икрой опустела, но и с черной. А также пропали вся осетрина и семга.

До времени перемен, когда отменили цензуру и наступила

ньева перелопатил и подавайте ему «Оскара»! Не жирно ли? Оказывается, нет.

Шкала ценностей иная у советского писателя. Это шахтер или токарь каждый день, как зачумленный, в шесть утра идет на смену, чтобы заработать на жизнь, а потом на это заработанное – едва дотягивать от полочки до аванса.

Ложь системы именно в этом заключалась: правящая и подпевающая элита роскоше-

га. Хорошо бы выпить, думать. Но нельзя. Я – за рулем. Я долго крепился и, наконец, тоже решил выпить пятьдесят граммов. Нагибин радостно налил мне. Я опасливо выпил. Спустя минут пять-десять годов лова моя прошла. Я непроизвольно заметил, что не только розетка с красной икрой опустела, но и с черной. А также пропали вся осетрина и семга.

ное в сознании писателя. Рекемчук понимал, что публикация «Моей золотой тещи» чрезвычайна, ведь риск не исчерпывался сценами запретной любви зятя и тещи.

Нет, повесть содержала и остросоциальную картину нравов верхушки советского общества при Сталине, пуританских лишь декларативно и внешне, а на поверку – разнузданных до предела. Но вместе с тем мы по-нимали, что «Моя золотая теща» – одна из лучших его вещей, что она достигает классических образцов литературы.

В этом плане можно воспринять как иронию строки

А в издательстве «ПИК», у Рекемчука, он при жизни услышал все это и, кажется, был счастлив...

«Вам, Юрий Александрович, – говорил мне Рекемчук, – близка эта тема так же, как мне, и Юрий Нагибин вам так же близок был, как мне. Вы его издатель, и я его издатель. По канве моего долгого знакомства и человеческой долгой дружбы с Юрием Нагибиным я написал повесть «Кавалеры меняют дам» – о нем и о себе, о его женах, о его романах...»

Началась вторая, бессмертная жизнь писателя Юрия Нагибина. ■